

ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕХОДЕ КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ В РОССИЙСКОЕ ПОДДАНСТВО (рубеж XVII–XVIII вв.)*

Сень Д.В.¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: dsen1974@mail.ru

Аннотация: в статье исследуются актуальные вопросы политической истории Крымского ханства конца XVII в. — начала XVIII в., относящиеся к новым явлениям в жизни ногайской Кубани. Речь идет о событиях, связанных с предполагавшимся переходом кубанских ногайцев в российское подданство после падения Азова в 1696 г., повлекшего за собой самые существенные изменения обстановки не только в Северо-Восточном Приазовье, но и в Крыму, а также на Кубани. Устанавливается роль и место именно Азовской воеводской администрации в налаживании соответствующих контактов с ногайцами Кубани. Исследуются различные случаи, способствовавшие формированию новых массовых настроений среди кубанских ногайцев (включая их возросшие страхи относительно своего будущего), а также формы, содержание и особенности их коммуникации с властями Азова и Войска Донского по вопросу возможной смены подданства, впрочем, так и оставшейся нереализованной.

Ключевые слова: Азовские походы, Войско Донское, Крымское ханство, Кубанская орда, ногайцы, пограничье, Османская империя, Россия.

Падение османского Азова летом 1696 г. отразилось не только на состоянии русско-турецких отношений, о чем чаще пишут в специальной литературе. Новой российской администрации Азова также пришлось вступить в контакты с представителями крымских ханов на Кубани, а также с местными ногайскими элитами, в том числе — устные и письменные, изобиловавшие проблемными ситуациями [Сень 2019]. В исторической науке, кроме того, недостаточно исследован вопрос о *взаимосвязи* между мероприятиями новых российских властей в Азове по призыванию ногайцев в царское подданство и *защитой* Россией новых территориальных приобретений, а также *массовыми негативными*

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

настроениями, возникшими на Кубани среди ногайского населения после 2-го Азовского похода. В более общем смысле речь идет о выявлении самых неоднозначных реакций со стороны подданных Гиреев и Османов (в последнем случае — на примере населения Кафинского эялета) на завоевание российскими войсками Азова — после чего их привычная жизнь (торговля, набеги и работорговля, в том числе проведение «окупных» операций, кочевание, связи с метропольными территориями, их поездки на другие территории и пр.) претерпела изменения, в том числе в худшую сторону.

Недовольство в Крыму султанской властью и опасения крымцев и ногайцев за свое ближайшее будущее резко усилились в связи с утратой турками-османами Азова, когда Россия основательно приблизилась к границам ханства. Завоевав устье Дона, *«Россия расколола территорию ханства и изолировала Кубанскую орду и Западную Черкессию от его остальных причерноморских владений»* [Артамонов 1985: 71]. Успешная борьба России с Османской империей и завоевание Азова позволили ей к концу XVII в. существенно укрепиться в Северо-Восточном Причерноморье, прервав сообщение по суше между Крымом и восточными кочевниками. Усилившись в регионе, Россия поставила под свой контроль *«коммуникации, обеспечивавшие опасные для россиян прямые контакты Порты и Крыма с калмыками, тюркским населением Поволжья и Степного Предкавказья»* [Приймак 2011: 55]. По меткому выражению В.А. Артамонова *«в начале XVIII в. ногайцы буквально метались в поисках нового протектора»* [Артамонов 2001: 271]. Например, кубанские ногайцы стали говорить, что *«мы де не знаем, куды прислонитца неведомо — к Белому царю или к турецкому»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 10].

Вероятно, расширение территориальной экспансии России и ее военно-политической мощи не осталось незамеченной и мусульманскими народами, вследствие чего, к слову, и на Юге тоже расширились география и количество случаев признания русского царя именно «белым» — в категориях сакральности и включенности этого обозначения в традиционные для Востоке системы мироустройства*. Выскажем мнение, что такое положение вещей могло развиваться на фоне переоценки местными восточными народами аналогичных характеристик турецкого султана, неспособного, как оказалось, к защите собственных владений на Юге — части священной территории *«дар аль-ислам»*. Нам потребуется отдельное изучение данного вопроса, а пока можно в целом согласиться со

* Подробнее этот вопрос рассмотрен в работе В.В. Трепавлова [Трепавлов 2017: 19–69]. См. также его суждение о трактовке интересующего нас понятия в мусульманских странах в связи с распространением там мнения, неприятного для турок-османов, о возможности завоевания исламского мира именно «белым царем» [Трепавлов 2017: 124].

Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)

словами В.А. Артамонова о том, что «авторитет «белого царя» после Азовских походов 1695–1696 гг. вырос и внимание кочевых народов стало чаще обращаться в его сторону» [Артамонов 2019: 318].

Прошения ногайцев о подданстве (точнее, *разных* ногайских орд в составе Крымского ханства) или их реакции на аналогичные предложения от царских властей необходимо связать с изменившимся (а именно — с *ухудшившимся*) международным положением Крымского ханства, вызванным в т.ч. итогами русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Правда, не приходится говорить о совпадении условий, вызвавших к жизни однотипное, по форме выражения, новое явление: неоднократные обращения *разных* групп ногайцев, подданных Гиреев, за подданством к России, позиция которой по данному вопросу не оставалась неизменной на протяжении второй половины 1690-х гг. — начала XVIII в.

Обращения к России за подданством со стороны некоторых кубанских мурз (напр., Есенея-мурзы, Кубека-мурзы, Урака-мурзы) были удовлетворены, и какое-то время они даже проживали на Дону с частью своих улусных ногайцев. При этом, Есенея-мурза ходатайствовал о подданстве для себя, для своей родни и части улусных людей в более благоприятных для того политических условиях — *в начале марта* 1700 г. [Воеводе С.И. Салтыкову 1887: 191–192]. Кубек-мурза и Урак-мурза, по всей видимости, были приняты на Дону уже после заключения между Россией и Османской империей 3 июля 1700 г. Константинопольского мирного договора. Так, Урак-мурза еще летом 1701 г. проживал в Черкасске и, недовольный решением крымского хана переправить снаряженных ногайцев с Кубани в Крым, намеревался вместе с мурзой Арсланбеком со своими улусами «*отъехать к Черкасскому*» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 1–3].

Но все же позиция России стала более категоричной (в отрицательном смысле) для подобных и иных просителей от ногайских групп в составе Крымского ханства *именно после подписания этого ключевого для тогдашних русско-турецких отношений документа*. Например, в 1701 г. украинский гетман И.С. Мазепа после получения указаний из Москвы отказался содействовать в предоставлении российского подданства ногайцам Буджакской орды, восставшей в 1699 г. против хана Девлет-Гирея II [Станіславський 2008: 158–161]. Оценивая же ситуацию с ногайцами за 1696–1700 гг., можно заметить, что в одних конкретных случаях ногайцы Крымского ханства (Буджакская орда) больше действовали под влиянием конфликта с ханской властью, в других (Кубанская орда) — в связи с угрозой своему будущему из-за «прихода» России к местам их проживания и боязни быть ею завоеванными, из-за сомнений в том, окажет ли им помощь турецкий султан...

Анализируя документальные источники, мы видим, что падение османского Азова переживалось кубанскими ногайцами болезненно

и даже панически [Сень 2016: 87–92]: в том же 1696 г. многие из них откочевали с семьями в Крым и в Черкессию, где даже остались зимовать [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4, 8; Д. 15. Л. 13, 18]. Откочевка ногайцев за Кубань в «горские черкесы» носила массовый характер, ее не сумели предотвратить даже действия крымцев. Недаром из Крыма прибыл один из сыновей крымского хана Хаджи-Селим-Гирея, *«а с ним де силы сот з девят и стоят они с стороны горских черкес для того, чтоб они нагайцы не бежали в горские черкесы»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 10]. По словам бежавшего с Кубани крестьянина Т. Иванова, ногайцы рассуждали: *«А когда де Азов взят, так де не устоят и Нагаю»* (т. е. Кубанской орде. — Д. С.), и если российские войска опять придут к Азову, то всем им придется бежать в горы. *«И ныне де те татары юрты свои все пожгли, а сами с женами из детми живут, переходя по розным местам для того, что они от приходу руского войска к себе велими опасны...»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 15]. Впрочем, уже в 1697 г. ногайцы *«...ныне все съехались по-прежнему и стали пашню пахать»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 18]. 8 мая 1697 г. другой выходец с Кубани сообщил в Азовской приказной избе о том, что ногайцы *«живут на Кубане по-прежнему. И говорят все кубанские тотара меж собою, что-де ныне Озов взяли руские люди, а в другой-де год они ево возмут»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 18].

Ногайцы и турки-османы, впрочем, неоднократно отзывались скептически о возможности отвоевания Азова у России. Выразительная сцена произошла в начале 1697 г. в османской Тамани: приезжий торговый ногаец заявил местному турку-осману, что *«в Азове силы много, и московская де сила ныне в готове и будет в Азов вскорее»*, если же *«турския люди вскорее не будут, а московская сила к ним придет, и они де, нагайцы, им здадутца»*. Турок стал в ответ бранить ногайца за подобные настроения: *«...русские люди и не бывали, а ты де здаешься»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 16. Л. 16]. По словам пленного ногайца Укуштука (1697 г.) кубанские ногайцы были настроены следующим образом: в случае выхода русской армии к Черному морю и строительства на Кубани османской крепости они уйдут к калмыцкому хану [Тепкеев 2018: 148]. Создается устойчивое впечатление, что с падением Азова ногайцы, казалось, утратили одно из важных и зримых организующих начал своей жизни, традиционно связанных с Османской империей. Однако, вскоре после возвращения ногайцев из Закубанья на привычные места проживания обнаружилось, что российская сторона сохранила некоторые элементы прежней местной пограничной жизни, выгодныеномадам. Азов быстро вернул себе позицию важного регионального центра проведения «окупных» (выкупных) операций с рабами и их «розмена», о чем на Кубани было хорошо известно даже невольникам. Невольников привозили в Азов от ногайцев, например, с кубанскими «торговыми

Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)

людьми», развивавшими торговые связи через Азов, а также доставляли в крепость другими способами [Сень 2018]. Идеализировать отношения сторон, конечно, не стоит. Подобные контакты были выгодны как ногайцам, так и азовской администрации, взявшей под контроль окупные и разменные операции с невольниками, отеснив, к тому же, от подобных занятий Войско Донское, традиционно участвовавшее в указанном сегменте местной пограничной жизни.

Возвращаясь к истории с призыванием ногайцев под «царскую руку» вскоре после падения Азова, отметим, что соответствующая инициатива исходила от российской стороны и направлялась, скорее всего, царем Петром I. Защита Азова представлялась царю на данном стратегическом направлении одной из наиболее важных задач, достижение которой, среди прочего, предполагало сбор и анализ информации о планах Османской империи и Крыма по возможному отвоеванию крепости. При этом, вероятно несколько иная интерпретация дипломатической активности российских властей на так называемом «кубанском направлении», о чем будет сказано ниже. В любом случае, России необходимо было учитывать настроения кубанских ногайцев в числе других факторов, влиявших на местную пограничную обстановку. В частности, речь идет об обострении крымско-калмыцких отношений, когда в 1696 г. после бегства части ногайских улусов из-под власти Аюки была мобилизована, по приказу калги-султана, вся Кубанская орда, готовая к нападению на калмыков, и, вместе с тем, осведомленная о возможном нападении на Кубань самого Аюки [Тепкеев 2018: 145]. Многоопытный калмыцкий правитель полагал, что при определенных условиях Кубань и Кабарда могли бы стать под «государеву руку», о чем он даже написал в Москву [Тепкеев 2018: 146].

Обратим внимание на то, что едва ли не первая попытка со стороны российских властей установить контакты с кубанскими ногайцами по вопросу их перехода в российское подданство была предпринята спустя совсем непродолжительное время после падения Азова. 19 июля 1696 г. капитулировал османский гарнизон Азова, а уже 22 августа того же года боярин и воевода А.С. Шеин получил отписку от Войска Донского, весьма вовремя попавшую в руки воеводы Большого полка. При этом фрагментированное начало документа [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 3] позволяет высказать предварительное мнение о том, что вопрос о российском подданстве ногайцев, в свою очередь, был поднят даже не А.С. Шеиным (Петром I?)! Донцы сообщали, что к ним в Войско приехали с Кубани ногайцы для «окупного дела», которые также привезли с собой «*письмо от мурз и от ученых людей* (надо думать, от абызов? — Д.С.)» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 3]. Таким образом, если интерпретировать значение этого случая, то российской стороной был найден хороший повод для «прощупывания» соответствующих настроений сре-

ди ногайцев. Именно поэтому А.С. Шеин повелевал П.Г. Львову «для призыву под великодержавную руку его великого государя... ногайских и черкесских мурз со всеми их улусными людьми» отправить на Дон «кого пригож» и говорить тем ногайцам, чтобы те мурзы были бы в «вечном подданстве под высокодержавною рукою великого государя... и обнадеживать их его, великого государя, милостию и жалованьем» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 4].

Пока не представляется возможным говорить о том, что отмеченная нами оперативность и российских властей и направленность их действий оказались *напрямую* связаны с планами защиты крепости от нападения крымцев и турок-османов в том же 1696 г. На тот момент (лето—осень 1696 г.) подобные сведения только стали поступать российской стороне [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 20. Л. 2, 6, 10 и др.]; но, что более существенно — ногайцы не представляли тогда собой существенной угрозы Азову, массово и едва ли не в панике покинув Кубань, о чем писалось выше. Уже в первой половине сентября 1696 г. российские власти располагали информацией об откочевке ногайцев за Кубань. Более того, уже находясь за Кубанью у «горских черкесов», ногайцы «*меж собою... переговаривали, как де из Царяграда силы не будет, и они де и достальные побегут в горы для того, что де те татары от приходу к себе московских сил боятца, толко чают цареградских сил*» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 3]. Скорее всего, перед нами явление несколько иного порядка и объяснения, а именно, элемент активизировавшейся южной политики России в условиях продолжавшейся войны с Османской империей и, к тому же, дипломатического давления на Крымское ханство. Упоминание же в документе о «черкесских мурзах» требует дополнительного изучения. И, конечно, соответствующая инициатива о возможности российского подданства исходила не от ногайцев.

Выполняя повеление А.С. Шеина, окольный и воевода П.Г. Львов, действовавший через Войско Донское и совместно с его верхушкой, оперативно обратился к ногайцам и, очевидно, к черкесам, со своим посланием. Вероятно, речь идет о документе, недатированный фрагментированный отпуск которого сохранился в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО) [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 4. Д. 1. Л. 1]. К слову, документы об анализируемой ниже истории сохранились также в РГАДА (Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7), поэтому в дальнейшем можно обратиться к сравнительному изучению нескольких документальных комплексов. Послание П.Г. Львова «с *товарыщи*» адресовалось «*ногайских орд мурзам Янмамбетю и Батырше наврузовым*», иным мурзам «и всей Закубанской орде». Воевода писал своим адресатам, что по указу великого государя к ним на Кубань из Войска Донского отправлен М. Можар с царским же «*призывательным указом*». Его смысл сводился к тому, чтобы «*вы* (адресаты воеводского послания. — Д. С.) *под его великого*

**Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев
в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)**

государя высокодержавною рукою были в... подданстве против того, как мурзы, и черкесы и улусные [люди?] под его великого государя... рукою близ Казани и Астрахани... и в сибирских странах живут» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 4. Д. 1. Л. 1].

Сентябрьская отписка 1696 г. Войска Донского на имя П.Г. Львова позволяет уточнить детали этого хорошо спланированного мероприятия, в том числе, как выясняется, направлявшегося боярином и воеводой Большого полка А.С. Шеиным. Так, в отписке прямо указывалось, что Войско Донское действовало не только по царскому указу, но и по приказу А.С. Шеина [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 5]. Далее в документе речь шла об отправке за Кубань *«к нагайским мурзам и ко всем закубанским ордам»* М. Можара и Ф. Болдыря с *«товарыщи»*. Особенный интерес представляют детали готовившейся поездки. Во-первых, в Войске был составлен «лист» на имя ногайских мурз, после чего казаки, определенные для поездки к ногайцам, отвезли его в Азов для сличения воеводой П.Г. Львовым с другим документом [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 17. Л. 5]. Точнее, это понадобилось для того, чтобы необходимые слова из его собственного письма — тем же самым адресатам — походили на текст «войскового листа». После необходимых процедур оба письма были переданы группе М. Можара–Ф. Болдыря, очевидно, и выехавшей вскоре из Азова к месту своего назначения.

Следующая войсковая отписка по данному вопросу была подана азовскому воеводе П.Г. Львову 14 октября 1696 г. В ней вновь сообщалось об отправке по указу великого государя казака М. Можара *«с товарыщи»* с предложением ногайцам перейти в подданстве *«под высокодержавную... руку»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 а]. Более важной является другая информация, почерпнутая нами из документа: в результате поездки, как оказалось, ногайские мурзы не дали никакой «отповеди» ни войсковым властям, ни, следовательно, азовскому воеводе П.Г. Львову. Тогда М. Можар и Ф. Болдырь были отправлены с Дона на Кубань повторно с письмами от Войска, *«чтоб о том подлинно отповедь уведомить от тамошних закубанских мурз и арды (sic! — Д. С.)»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 2а].

Уже 15 октября 1696 г. воевода написал свое ответное послание Войску Донскому. В частности, он сообщал о приезде М. Можара с Кубани в Азов, и о том, что «закубанские мурзы» направили от себя четверых татар вместе с Ф. Болдырем в Черкасск. Примечательно, что в анализировавшейся выше войсковой отписке, полученной в Азове 14 октября 1696 г., воеводе не сообщалось о приезде с Кубани Ф. Болдыря с ногайцами. Воевода упрекал войскового атамана Ф. Минаева в том, что *«с чем те татары в Черкаской к тебе приехали, и какое дело явилось против наших писем, о том в Азов ты октября по 15-е число не писывал и ведомости никакой не присылывал»* [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1.

Д. 9. Л. 3]. По получении же царского указа атаману Ф. Минаеву повелевалось сообщить в Азов обо всех разговорах, которые татары повели с ним в Черкасске.

В октябре того же года М. Можар был допрошен в Азовской приказной палате. Казак сообщил, что они приехали «за Кубань в Татарскую орду к первому мурзе к Мамемет Темиреву сыну, говоря, «что присланы от азовского воеводы князя Петра Григорьевича Львова и от Войска Донского атамана Фрола Минаева с призывательными с писмами, чтоб они были в подданстве под высокодержавною рукою великого государя нашего и его царского величества» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 5]. Обратим внимание на использованную в этом и в других подобных документах формулировку — «за Кубань», что могло и соответствовать действительности — ведь во второй половине 1696 г. (уже летом?) ногайцы действительно массово оставили свои жилища на Кубани. Захватив с собой казаков, Мамемет-мурза направился к «большому мурзе» Де[н]мамбету «для того, чтоб переговорить с иными мурзами и улусными людьми, которые под его мурзиною рукою». Эти мурзы направили в Черкасск вместе с Ф. Болдырем четверых своих татар для удостоверения подлинности писем и полномочий посланцев от Войска Донского [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 5]. Филипп Болдырь направился с ногайцами в Черкасск, а М. Можар с провожатыми — к авторитетному среди кубанских ногайцев Кубек-аге: «И он-де Кубек говорил ему Матвею, для чего-де к нему писма нет» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 5].

Из другой войсковой отписки от 31 октября 1696 г., адресованной воеводе П.Г. Львову, узнаем, что в группу М. Можара и Ф. Болдыря входило еще три человека, и что войсковых «посылок» к ногайцам было несколько, полагаем, две. Войско Донское уверяло воеводу П.Г. Львова, что «подлинное их закубанской орды [по]мышление было о подданстве... под высокодержавную руку государя нашего» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 6]. По всей видимости, «шатания» какой-то части Кубанской орды в сторону России носили весьма серьезный характер: ногайцы даже сообщили о том, что «...к лету пришлому (т. е. на следующий, 1697 год. — Д. С.) разным временем приход будет со всею силою ему самому турецкому султану на Озов. А подлинно-де достава[ть] Черкасской и в злехитром намерении своем говорят... егда-де Черкасской возмем, тогда и Азов подавно наш» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 6]. Другое дело, что ногайские мурзы еще «сроку упросили (для принятия решения по вопросу подданства. — Д.С.) до пришлого лета, кому де бог поможет на лето, того де и мы вся орда, потому что дело будет болюе на лета (sic! — Д.С.)» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 6]. Обращает на себя внимание и тот факт, что наврузовский Мамбет-мурза направил от себя нарочного — Доюнкелду-агу, не сообщившего Войску подробностей о данном ему поручении и намеревавшегося с казачьей зимовой стани-

Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)

цей отправиться в Москву [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 6–7]. Войско Донское просило П.Г. Львова указать, каким образом поступить с этим кубанским посланцем. Ответ воеводы на Дон был составлен 2 ноября 1696 г. и носил определенно уклончивый характер. П.Г. Львов рекомендовал Войску Донскому «*учинить вам по своему*» вопрос о вероятной отправке Доюнкелды-аги в Москву [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 9. Л. 8].

Судя по всему, интенсивность соответствующих переговоров о возможном подданстве ногайцев сошла на нет в том же 1696 г. Следующий, 1697 год, принес обострение обстановки в Северо-Восточном Приазовье и получение Россией уже из разных источников данных о готовящемся походе османских и крымских войск под Азов [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 6, 7, 10]. Никуда не исчезла и настороженность местного ногайского населения к российскому (по сути, к военному) соседству рядом с собой. В ходе 3-го Азовского похода ногайцы приняли активное участие в составе войск калги Девлет-Гирея, сражаясь с Большим полком боярина А.С. Шеина 20 июля 1697 г. под Азовом: будучи разгромлены, они бежали за р. Кагальник. Еще в 1700 г. актуальной была ситуация, при которой «*кубанцы*» (т. е. ногайцы) «*от приходу великого государя ратных людей и от казаков зело боятца, и конские и скотьи табуны все перегнали за Кубань и держат в крепях и говорят, что великий де государь в Азове и знатно, что изволит с своими, великого государя, ратными людьми, итит их, кубанцов, разорит*» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 237. Л. 12].

Частный для России «ногайский вопрос» быстро отошел на второй план ее внешней политики на Юге после завершения войны с Османской империей и заключения с ней Константинопольского мирного договора 3 июля 1700 г. Но, что примечательно, после этого не прекратились разговоры и даже прошения разных ногайских групп о российском подданстве, уже нередко служившие им дополнительным аргументом в ходе выяснения отношений с правящими Гиреями. К примеру, поддержав низложенного в конце 1702 г. крымского хана Девлет-Гирея II, восставшего против Порты, кубанские ногайцы не собирались подчиняться новому хану Хаджи-Селим-Гирею I. Они якобы заявляли, что, если прежний хан «*по-прежнему на ханство не будет, и они де хотят поклонитца под высокодержавную великого государя руку*» [РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703 г. Д. 11. Л. 672об.].

В 1701 г. один из султанов-Гиреев (Каплан-Гирей/Бахты-Гирей?) разгромил множество «*черных людей татар*», намеревавшихся со своими мурзами уйти с Кубани и «*кочевать около Азова и Черкаского*». Эти ногайцы «*переехали на Кертму реку, и салтан де кубанской с татары за ними в погоню гнал сам, и с мурзами с Сартланом, да с Агашом, да черной человек Кубек-ага, а было с ними воинских людей тысяча пятьсот человек, да трицат человек казаков ахреянов. И на Кер-*

тме де реке угнав их, учинили бой, и мурзы де с ними билис, и от мурз черные люди многие изменили, и побежали к салтану, и салтан мурз разорил совсем... А у мурз жен и детей побрал он, салтан, к себе на Кубань, а мурзы розбежалис врознь» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 80]*. Тот же Кубек-мурза, вернувшийся с Дона на Кубань, в 1703 г. снова обратился с прошением о подданстве, приехав в Азов, «чтоб принять ево по-прежнему под высокодержавную великого государя руку, и з братом Ураком-мурзою, и со всеми улусными людми. И он, Кубек, не принят, и от Азова отослан» [РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 25. Ч. 1. Л. 835–835об.]**.

Проанализированный нами главный случай, положенный в основание статьи, свидетельствует о том, что население Кубанской орды ранее других подобных образований в составе Крымского ханства попало в орбиту соответствующего внимания Российского государства. Этот эмпирический материал органично вписывается в историю решения Россией тактических и стратегических вопросов расширения своего влияния на Юге после завоевания Азова, в том числе путем выработки различных «невоенных» форм ослабления традиционного для данного региона крымско-османского влияния. Вместе с тем, подобные действия России находили несомненный отклик в среде подданных Гиреев, анализ которых поможет уяснить многие существенные особенности новой, после 1681 г., внешней политики Крымского ханства — возникшей вследствие невыгодных и даже опасных для него русско-турецких договоренностей и устанавливаемого Москвой и Стамбулом нового пограничного порядка.

Источники

Воеводе С.И. Салтыкову о принятии в Черкаском на жительство Есенея-мурзы с семейством и с улусными Татарами // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские акты. Т. 1. Воронеж: Воронеж. губ. стат. ком., 1887. С. 191–192.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО).

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Артамонов В.А. О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М.: Институт истории СССР, 1985. С. 71–88.

Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. М.: Наука, 2001. Вып. 10. С. 269–286.

* Этот фрагмент документа любезно предоставлен к.и.н. П.А. Аваковым.

** Фрагмент документа любезно предоставлен к.и.н. П.А. Аваковым.

Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.)

Артамонов В.А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М.: Кучково поле, 2019. 448 с.

Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. 359 с.

Сень Д.В. Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства. Рубеж XVII–XVIII вв. (на примере ногайской Кубани) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему: Материалы второй Международной научно-практической конференции (г. Черкесск, 12–13 октября 2016 г.). Черкесск: б/и, 2016. С. 87–92.

Сень Д.В. «Бил челом ахреянскому атаману...»: плен, рабство и выкуп на южном пограничье (конец XVII в. — начало XVIII в.) // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 1. С. 36–46.

Сень Д.В. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII — начало XVIII вв.) // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы Международной научной конференции. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 134–143.

Станіславський В.В. До історії взаємин Війська Запорозького з Буджацькою Ордою в 1699–1700 рр. // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н.е. по XIX ст. н.е.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. С. 157–162.

Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. 360 с.